

логическую связь и горячку собственного увлечения; но, увы! не было только жизни в самой науке» (VII, 14). Под «жизнью» здесь, конечно, подразумевается тот комплекс моральных идей, в приложении к которому должны обрести свой смысл положительные науки.

В позднем творчестве Гоголя протест против общественного неравенства, против буржуазной цивилизации, уродующей человека, звучит с не меньшей силой, чем это было в 30-е годы, однако он имеет уже иные формы. «Разврат цивилизации» Гоголь теперь истолковывает (не без влияния славянофилов) как чисто западное, наносное явление и пытается противопоставить ему «русские» (фактически патриархальные) основы жизни. В этот период демократизм писателя осложнен рядом реакционных идей, так как к числу коренных особенностей русской нации Гоголь относит царскую монархию и православие. Но в то же время его положительный идеал получает гораздо более четкую социальную конкретизацию, чем это было прежде.

К сожалению, до нас дошла очень небольшая часть материалов, относящихся ко второму тому «Мертвых душ», но и из этих многочисленных страниц отчетливо видно, как в своей критике наступающего капитализма Гоголь сплошь и рядом приближается к Руссо. Приведем несколько отрывков.

«Неизъяснимое вечернее блистанье <2 нрзб.> по ним размечанных знаков. Погасанье лучей и дым от хат легкими струями к небу нес<ется?>. Как осмелился позабыть тебя человек. О, да будет проклят, кто научил людей покинуть простоту для просвещенья. Заплатил страданиями и тяжким и подлым бессилием» (VII, 382).

«Вот оно, вот оно, что значит, а не то, что нынешнее просв<ещенье?>, которое превратило человека в машину, что весь век свой вытаскивает одну <1 нрзб.>. Какой тесный круг, какое <1 нрзб.> дело» (VII, 272).

В последнем наброске мысль Гоголя, без сомнения, направлена против того раздробляющего человеческую личность общественного разделения труда, критикуя которое Руссо писал: «Сделайте человека вновь единым — и вы сделаете его таким счастливым, каким он только может быть».²²

И если прежде образу «раздробленного» человека, человека, превращенного в нос, бакенбарды и т. п., у Гоголя противостоял абстрактный идеал прекрасной человеческой «природы», который мог быть выражен только в образе — символе, теперь позитивные идеи писателя получают реалистически ясное и социально конкретное воплощение. Ответом на проблему, поставленную в последнем цитированном отрывке, звучит следующий, незаконченный, но вполне ясный по своей мысли, фрагмент: «И почувствовал, что это разнообразие работ мужика, который сам своим трудом

²² Oeuvres et correspondance de J.-J. Rousseau. Paris, 1861, стр. 224.